

И. В. Шардыко (*г. Могилев*)

ЭСЕРЫ, БОЛЬШЕВИКИ И МЕНЬШЕВИКИ БЕЛАРУСИ В УСЛОВИЯХ ОБОСТРЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОБСТАНОВКИ В ДЕРЕВНЕ ЛЕТОМ–ОСЕНЬЮ 1917 г.

Февральская революция 1917 года открыла перед Россией различные возможности политического и социально-экономического развития: либо буржуазно-реформистский путь к капитализму, свободному от остатков феодализма, либо пролетарски-революционный путь к социализму. Не исключался и третий путь: реставрация монархии в случае контрреволюционного переворота.

Возможность капиталистической альтернативы диктовалась исторической логикой. Россия не завершила буржуазной эволюции к зрелому и свободному от остатков феодализма капитализму, демократический строй пока не сформировался в общественной жизни. Однако, реализовать эту альтернативу было не так просто. В России уже весной 1917 г. произошел распад и без этого слабой связи «самого передового капитализма» с «самой отсталой деревней».

Такая ситуация приводила к росту социальной напряженности во всех классах и слоях населения. Так, в апреле 1917 г. Межпартийная лига аграрных реформ (создана при Временном правительстве для анализа аграрных отношений в стране и определения возможных путей разрешения конфликтов, возникших все чаще на селе – прим. автора) констатировала, что реформирование сельского хозяйства по общегосударственному плану «сверху» безнадежно опоздало [1, л. 3-7]. В деревне все больше усиливалась привлекательность социальных утопий о равенстве условий хозяйствования у крестьян.

В этой критической обстановке, как справедливо отмечает английский исследователь Роберт Конквест, все политические движения в России согласны были в одном: положение в сельском хозяйстве опасно, революция открыла период выхода из кризиса не только на пути изменения имевшегося землеустройства, но и с помощью усовершенствования методов сельскохозяйственного труда, однако их тактические лозунги в этом вопросе были отличны по степени «бескомпромиссности» и «решительности» [2, с. 32].

Желание сохранить неопределенно долгое время политическое соглашение с «живыми силами» российской буржуазии, поддержка в связи с этим Временного правительства обусловили стремление эсеров и меньшевиков в 1917 г. решать аграрный вопрос не революционно, а постепенно и компромиссно, отложив окончательное его осуществление до Учредительного собрания.

В противоположность реформистскому пути эсеров и меньшевиков, большевистский путь развития революции – это путь завоевания власти пролетариатом не на основе правительственных комбинаций с буржуазией, а на основе революционной борьбы за установление пролетарской диктатуры с привлечением на свою сторону широких крестьянских масс. В противовес эсерам и меньшевикам, которые внушали крестьянам не начинать аграрных преобразований до Учредительного собрания, большевики призывали крестьян к немедленной конфискации помещичьих и других некрестьянских земель по решению Советов крестьянских депутатов на местах.

Названные тенденции в послефевральской деятельности большевиков, меньшевиков и эсеров при осуществлении аграрного вопроса нашли свое яркое воплощение в белорусских губерниях.

Особенно остро они проявились к лету 1917 г., когда обстановка в белорусской деревне значительно обострилась. Еще весной 1917 г. поддержка крестьянскими съездами и Советами различных уровней Временного коалиционного правительства свидетельствовала, что крестьянство по-прежнему доверяет партии эсеров. Подтверждением этого служил и тот факт, что в марте-апреле 1917 г. крестьянство Беларуси относительно мирно ожидало от правительства удовлетворения своих вековых чаяний о земле: в марте было отмечено 5, а в апреле 15 выступлений крестьян против помещиков [3, с. 364-367]. Но уже май 1917 г. ознаменовался резким подъемом крестьянского движения. В течение месяца в Беларуси было учтено более 35 случаев самовольных действий крестьян против помещиков. Движение охватило 13 уездов, свыше 20 помещичьих имений [4, с. 368-369]. По сообщению газеты «День», в Гомельском уезде крестьяне захватили пастбища для скота. Из Могилевского уезда сообщалось о разделе лугов местного помещика 50 крестьянами деревни Шабаны [5, л. 1-2]. Такие же сообщения поступали из Рогачевского, Минского, Лепельского, Оршанского и др. уездов.

События начала лета 1917 г. только обострили эту проблему и заставили временное правительство еще больше обратиться к ней. В частности, 19 июня 1917 г. на имя министра земледелия Чернова поступила телеграмма из исполкома Рогачевского Совета солдатских и рабочих депутатов. В ней сообщалось, что «в уезде развивается анархия, крестьяне под влиянием речей приехавших из Петрограда депутатов Всероссийского крестьянского съезда, рубят частновладельческие леса и делят луга и сенокосы. Крестьянские делегаты, агитируя за немедленный захват частновладельческих земель, сыплются на личные беседы с министром земледелия...». Рогачевский Исполком просил разъяснений, как ему вести себя в этой ситуации. В тот же день был получен ответ из Петрограда, в котором Чернов призвал Исполком «не допустить захвата земли» и еще раз напомнил эсеровскую позицию: «... только Учредительное собрание правомочно разрешить во всей широте аграрный вопрос, согласно интересам всего народа» [6, л. 9-11]. Такого же рода сообщения поступили в Петроград от Верхменского волостного земельного комитета Игуменского уезда [7, л. 4], Климовичского уездного земельного комитета [8, л. 44], Городокского волостного комитета [9, л. 43-44] и других организаций Беларуси.

Большие надежды Временное правительство возлагало на земельные комитеты, которые по его замыслу должны были умирить крестьян. Они начали создаваться еще в апреле 1917 г. В мае в Петрограде стал действовать Главный земельный Комитет, которому было поручено подготовить аграрную реформу к Учредительному собранию. Процесс создания земельных комитетов в Беларуси начался с конца апреля 1917 г. К 1 июля были организованы Минский, Могилевский, Витебский губернские, а также 25 уездных земельных комитетов Беларуси: в Могилевской – 11, Минской – 9, Витебской – 5. К концу июля уездные земельные комитеты были созданы во всех уездах Минской и Могилевской губерний. В Витебской губернии этот процесс завершился несколько позднее – к середине августа. Медленнее шла организация волостных земельных комитетов. К концу июня 1917 г. в Полоцком уезде их действовало – 14, Минском – 21, Мозырьском – 21, Бобруйском – 22. Широко были представлены волостные земельные комитеты в Речицком, Борисовском, Игуменском, Слуцком и других уездах Беларуси [10, л. 4; с. 4; с. 2].

Эсеровское руководство с самого начала расценивало земельные комитеты как определенные клапаны, через которые можно было выпускать революционную энергию крестьянства, предотвращая тем самым стихийный захват помещичьих земель. Но на самом деле решения земельных комитетов, особенно волостных, о взятии под контроль помещичьих владений толкали крестьян к еще более активному захвату собственности помещиков. Часто это проходило с применением силы, непосредственно санкционированной земельными комитетами.

К решительным действиям в этом направлении земельные комитеты подталкивали большевики. Будучи редактором «Крестьянской газеты», издававшейся в Минске, М.В. Фрунзе на ее страницах неоднократно призывал крестьян активизировать деятельность земельных комитетов. Обращаясь к крестьянам, он четко сформулировал подход большевиков к решению аграрной проблемы: «От вашей сплоченности и сознательности зависит вся судьба земельного дела, решение которого надо взять в свои руки» [11, с. 2]. Установка большевиков была одна – брать землю, не дожидаясь Учредительного собрания.

В отечественной историографии долгое время господствовало мнение о том, что в марте-июне 1917 г. «идеи и лозунги РСДРП(б) получили широкое распространение в белорусской деревне, большинство крестьян шло за большевиками». Однако документальные материалы, в том числе архивные источники, свидетельствуют о другом: в июне подавляющее большинство крестьянства в политическом отношении продолжало следовать за эсерами; оно еще не избавилось от конституционных иллюзий и продолжало в значительной своей массе надеяться, что Учредительное собрание законным путем решит аграрный вопрос.

Как справедливо заметил В.Игнатовский: «В деревню большевики еще не пробрались. Среди крестьянства имеют влияние социалисты-революционеры. Хотя крестьяне уже узнали о большевиках и начинают с вниманием прислушиваться к их простым лозунгам...» [12, с. 234]. Процесс люмпенизации крестьянских масс, искусно подталкиваемый большевиками, набирал силу.

После июльских событий правительство, с согласия эсеров и меньшевиков, предприняло более серьезные шаги по наведению порядка в деревне, сочетая призывы к соблюдению законности с применением силы против стихийных выступлений крестьянских масс. Эсеры на местах были наиболее последовательными в проведении этой политики. Полоцкий уездный комиссар, например, в июле 1917 г. активно использовал членов местного Совета, преимущественно эсеров, для борьбы с самовольными крестьянскими захватами [13, л. 8-6, 11]. Помощник минского губернского комиссара эсер Метлин в ответ на жалобы землевладельцев на крестьянские захваты советовал им не церемониться, а вернуть захваченную собственность с помощью ближайшей воинской части [14, л. 258-259].

Понимая, что сохранить контроль над крестьянским движением только с помощью репрессий не всегда удается, эсеры на местах все чаще прибегают к маневрам, стремясь в своих целях по-прежнему использовать земельные комитеты. 23 июля 1917 г. крестьянский съезд Гомельского уезда высказал пожелание, чтобы Временное правительство «позаботилось» об издании закона о переходе всей земли в ведение земельных комитетов до Учредительного собрания. Вместе с тем съезд подчеркнул, что деятельность земельных комитетов должна быть направлена против самочинных захватов [15, с. 187-189]. Однако такое решение крестьяне воспринимали как санкции на непосредственное пользование помещичьими лугами, землей, пастбищами. Решения земельных комитетов часто инициировали крестьянские выступления в Минской, Витебской и, особенно, Могилевской губерниях.

Эсеровское стремление сохранить крестьянское движение в рамках законности не всегда давало желаемые результаты. Поддерживая эсеровские программные лозунги, крестьяне теперь смелее стали прибегать к захватным формам борьбы. По данным Е.П. Лукьянова (как признает сам исследователь далеко не полным – прим.авт.) в Беларуси в июле имели место 93 случая разгрома и захватов земли, а всего в этот период произошло в белорусских губерниях свыше 150 крестьянских выступлений [16, с. 123]. Политическая конъюнктура постепенно складывалась в пользу большевиков.

Бурный рост крестьянского движения осенью 1917 г. подвел своеобразную черту борьбы крестьян за землю. Не случайно, оценивая мощный размах крестьянских выступлений, лидер большевиков В.И. Ульянов-Ленин писал в те дни: «Перед лицом такого факта, как крестьянское восстание, все остальные политические симптомы, даже если бы они противоречили этому назреванию общенационального кризиса, не имели бы ровнехонько никакого значения» [17, с. 277].

С особой силой крестьянские выступления проявились осенью 1917 и в Беларуси. При этом крестьяне не довольствовались лишь одним захватом земли. Они грабили и сжигали помещичьи имения, захватывали инвентарь, скот, необходимые для обработки присвоенных участков. В августе таких случаев насчитывалось 38, в сентябре – уже 67 [16, с. 123]. В октябре 1917 г. крестьянское движение с преобладанием крайних форм борьбы охватило практически все уезды белорусских губерний. Крестьянство стихийно осуществляло на практике большевистский лозунг о немедленном захвате помещичьих земель. Большевики сознательно говорили о том, что происходит это под влиянием их партийных аграрных идей. Лозунги большевиков и стремление крестьян к земле все чаще совпадали.

Подъем крестьянского движения свидетельствовал о том, что ни партия эсеров, ни партия меньшевиков не смогли реализовать свои аграрные программы. И хотя их программы имели позитивное содержание по крестьянскому вопросу, однако раздавая свои обещания, эти партии так и не сделали реальных шагов в сторону удовлетворения крестьянских требований.

Переложив решение аграрной проблемы на Учредительное собрание, эсеры и меньшевики практически уступили инициативу в реализации этой важной социально-экономической проблемы большевикам, которые очень оперативно воспользовались этим просчетом своих политических противников. К тому же большевики, оставаясь в оппозиции, последовательно разоблачали нерешительность правительства, что и способствовало возрастанию их политического влияния на широкие слои населения. Проникновение большевиков в деревню отчасти диктовалось их успехом как в плане завоевания представительств в отдельных Советах и многих солдатских комитетах,

так и в более общем плане, широким принятием крестьянскими слоями населения большевистских радикальных лозунгов, которые отражали их нетерпение в решении многих проблем социально-экономического характера, в том числе и аграрной проблемы. Именно это и подняло престиж большевиков в белорусской деревне.

ЛИТЕРАТУРА

1. Российский государственный исторический архив (РГИА в г. Санкт-Петербурге). – Ф. 1090. – Оп. 1. – Д. 181. – Л. 3–7.
2. Конквест Роберт. Жатва скорби. Советская коллективизация и террор голодом / Р. Конквест // Лондон. – 1988. – С. 32.
3. Крестьянское движение в 1917 году. – Москва – Ленинград. – 1927. – С. 364–367.
4. Там же. – С. 368–369.
5. Государственный архив Могилевской области. – Ф. 629. – Оп. 1. – Д. 4. – Л. 1–2.
6. Российский государственный исторический архив (РГИА в г. Санкт-Петербурге). – Ф. 408. – Оп. 1. – Д. 665. – Л. 9–11.
7. Государственный архив Минской области. – Ф. 34. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 4.
8. Государственный архив Могилевской области. – Ф. 629. – Оп. 1. – Д. 4. – Л. 44.
9. Национальный архив Республики Беларусь (НА РБ). – Ф. 60. – Оп. 1. – Д. 191. – Л. 43–44.
10. Подсчеты произведены на основании материалов, хранящихся в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ). – Ф. 1796. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 21, 59, 85; – Д. 41. – Л. 4., а также материалов периодической печати: Голос народа (г. Бобруйск). – 1917. – N 19. – С. 4; Земля и воля (г. Быхов). – 1917. – N 2. – С. 2.
11. Крестьянская газета. – 1917. – 10 июня. – С. 2.
12. Ігнатоўскі, У. Гісторыя Беларусі ў XIX і пачатку XX стагоддзя / У. Ігнатоўскі // Менск. – 1925. – С. 234.
13. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 622. – Оп. 1. – Д. 31. – Л. 8об, 11.
14. Там же. – Ф. 617. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 258–259.
15. Крестьянское движение в 1917 г. – С. 187–189.
16. Лукьянов, Е.П. Крестьянское движение в Белоруссии накануне Великой Октябрьской социалистической революции / Е.П. Лукьянов // Минск. – 1958. – С. 123.
17. Ленин, В.И. Кризис назрел / В.И. Ленин. – Полн. собр. соч. – Т. 34 // Москва. – 1977. – С. 277.